

№12 (324). ДЕКАБРЬ 2017

МОСКОВСКИЙ ЖУРНАЛ

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО

Б.М. КУСТОДИЕВ. МОРОЗНЫЙ ДЕНЬ.
ХОЛСТ, МАСЛО. 1913 ГОД.
САРАТОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
МУЗЕЙ ИМЕНИ А.Н. РАДИЩЕВА

С НАСТУПАЮЩИМ НОВЫМ ГОДОМ!

*Б.М. Кустодиев. Елочный торг. Холст, масло. 1918 год.
Краснодарский краевой художественный музей имени Ф.А. Коваленко*

МОСКОВСКИЙ ЖУРНАЛ

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО
ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ
ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ИЗДАНИЕ

Основан
Н.М. Карамзиным
в 1791 году.
Возобновлен
в 1991 году

Литературно-художественный, историко-краеведческий журнал

Главный редактор
Анна Филипповна Грушина

Редакционный совет:
Митрополит Истринский
Арсений (Епифанов),
А.А. Белай, В.Ф. Козлов,
В.В. Максименко

Художник-верстальщик
С.А. Алопин
Редактор-корректор
А.Э. Варчева

Учредитель: АО «Редакция газеты
«Вечерняя Москва»». 2017

Выпуск осуществлен при финансовой поддержке Департамента средств массовой информации и рекламы города Москвы

Адрес редакции и издателя: 127015, Москва,
Бумажный проезд, д. 14, стр. 2
Телефон: (499) 557-04-27, доб. 414, 416
E-mail: mosmag@mosjour.ru
Официальный сайт: www.mosjour.ru
Рекламная служба: (499) 557-04-03
E-mail: reklama@vtm.ru

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство № ФС77-62785 от 18.08.2015 г.

Подписано к печати 16.11.2017.
Печать офсетная.
Объем 12 п. л. Формат 64 × 90/8.
Тираж 42 000 экз.
Цена договорная.
Заказ № 30645.
Отпечатано:
ОАО «Подольская фабрика офсетной печати»
142100, Московская обл., г. Подольск,
Революционный просп., д. 80/42
Материалы основных рубрик
рецензируются.

В НОМЕРЕ:

СЕМЕЙНЫЙ АРХИВ 2 Татьяна Александровна Бирюкова
Отец поэта
Об уроженце деревни Мисайлово
Московской области,
участнике Первой мировой войны
Петре Яковлевиче Зубове (1891–1965)

АЛЬБОМ 10 Алексей Вячеславович Буторов
**Пушкин, Наполеон I
и архитектор Каминский 2-й**
Об одной старинной акварели

**ДАТЫ, СОБЫТИЯ,
ФАКТЫ 15** Достойное увенчание
многолетнего труда
О присуждении Макариевской премии
за 2016–2017 годы
Владимиру Фотиевичу Козлову

МОСКОВСКИЙ 16 Александра Геннадьевна Смирнова
НЕКРОПОЛЬ
Лазаревское кладбище
Из истории первого городского некрополя
Москвы

ИЗ ИСТОРИИ 39 Сергей Алексеевич Козлов
ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ
В РОССИИ
**«Вся награда трудов
в общем благе»**
Об аграрнике-новаторе
Дмитрии Марковиче Полторацком
(1761–1818)

ЛЕТОПИСЕЦ 51 Олег Викторович Никитин
21–23 сентября 2017 года
**Международная
научно-практическая конференция
«И.И. Срезневский
и русское историческое языкознание:
опыт и перспективы»**

ЗАПИСКИ КРАЕВЕДА 56 Марина Адольфовна Чусова
Древние дороги юга Москвы
Историко-географический экскурс.
Часть вторая

НАШИ 71 Подвижник краеведения
ПОЗДРАВЛЕНИЯ
К юбилею Александры Геннадьевны
Смирновой

СВЕТИЛЬНИКИ 73 Павел Григорьевич Проценко
БЕРЫ
Лучи невидимого солнца
Памяти священника, духовного писателя
Анатолия Евгеньевича Жураковского
(1897–1937)

ТРУДЫ И ДНИ 77 Галина Владимировна Аксенова
«Списатель»
О художнике, церковном археологе,
исследователе и копировщике
древних рукописных книг
Александре Михайловиче Ратшине
(предположительно 1780-е — после 1852)

АННОТИРОВАННЫЙ 91 Содержание «Московского журнала.
УКАЗАТЕЛЬ История государства Российского»
за 2017 год

Татьяна Александровна Бирюкова

ОТЕЦ ПОЭТА

Об уроженце деревни Мисайлово Московской области¹,
участнике Первой мировой войны Петре Яковлевиче Зубове
(1891–1965)

Петр Яковлевич Зубов. 1913 год

Родитель нашего героя Яков Николаевич Зубов (1859–1943) с детства мечтал научиться грамоте и в конце концов освоил-таки ее под руководством деревенского дьячка. Работая на золотоканительной фабрике братьев Алексеевых, которой с 1882 по 1917 год руководил правнук основателей — Константин Сергеевич Алексеев, известный под псевдонимом Станиславский, он пристрастился к чтению. В доме Зубовых стали появляться книги — такой обширной библиотеки в деревне Мисайлово ни у кого больше не было.

Тягу к чтению Яков Николаевич передал сыну Петру, который начинал свой

трудовой путь в типографии — сначала в Петербурге учеником, а потом в Москве наборщиком. Любитель и знаток русской литературы, Петр Яковлевич прожил трудную и интересную жизнь. В 1916 году в составе Русского экспедиционного корпуса он отправился во Францию, где не раз глядел в глаза смерти. Однако судьба его хранила — наверное, для того, чтобы он мог дать жизнь замечательному русскому поэту Евгению Петровичу Зубову (1942–1996). Семейный архив Зубовых родственники Евгения Петровича передали в Межпоселенческую библиотеку Ленинского района Московской области (город Видное). При

подготовке очерка использованы содержащиеся в этом архиве письма и дневники П.Я. Зубова, другие документы, а также ряд дополнительных источников (указаны в примечаниях).

* * *

В 1916 году Петру Зубову, призванному в армию из деревни Мисайлово, исполнилось 25 лет. Позже, оглядываясь на свой жизненный путь, он подвел краткий итог: «Война, ссылка в Северную Африку за отказ воевать, неудачный приезд в Россию, где едва не погиб от расстрела озверелых деникинских офицеров, побег с деникинской зоны на территорию красных, тяжелые болезни, инвалидность — вот мой скорбный багаж прошлого».

Из письма П.Я. Зубова от 23 июня 1916 года: «Дорогие родные! В нашей солдатской жизни произошло важное событие: вчера была присяга. Я готов положить свою жизнь за родину, но, принимая присягу, я чувствовал, будто совершаю грех. <...> Присягу принимали целых четыре роты в довольно торжественной обстановке на площади под знаменем, священник предварительно произнес речь, впрочем, до священника полковой адъютант читал, какие кары полагаются за разные преступления, слышалось только: смертная казнь, арестантское отделение, смертная казнь, смертная казнь... Целовали крест, Евангелие и знамя, произносили: “Клянусь!” Приезжал бригадный генерал, спрашивал нас, знаем ли мы, куда назначены. Нам приказано

было отвечать: “Никак нет, ваше превосходительство!”»

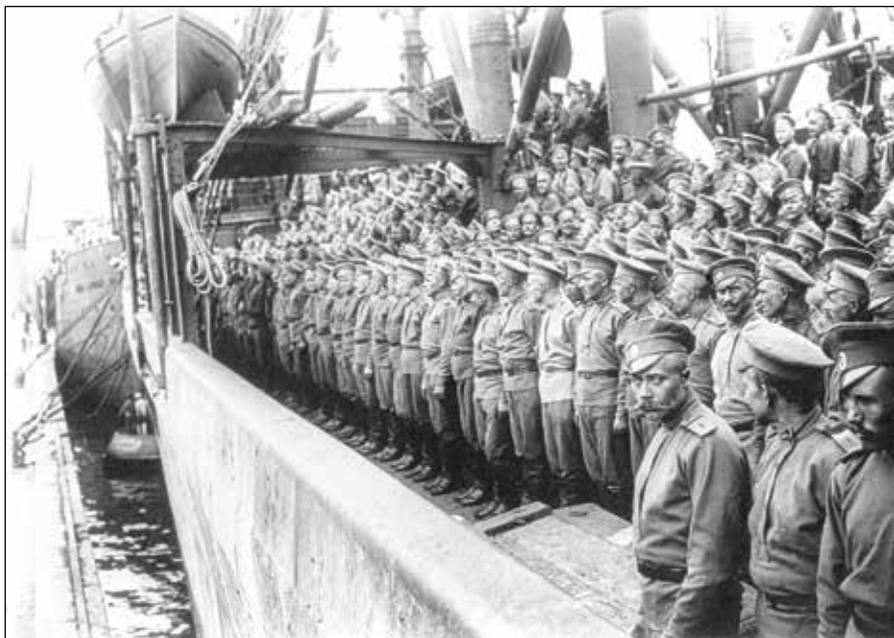
Назначили же Зубова в 4-ю Особую бригаду, отбывавшую во Францию. «Осенью 1915 года французская военная промышленность оказалась в столь тяжелом положении, что для работы на заводах пришлось возвращать солдат с фронта из поредевших рядов французской армии. Парижские мудрецы решили разрубить этот узел одним ударом топора, выписав людей из России, представлявшей, по их мнению, неиссякаемый источник пополнений»². Первоначально затребованное Францией количество солдат — 400 тысяч — российское командование урезало до семи бригад общей численностью менее 100 тысяч человек. В действительности же Россия сформировала и послала на помощь французам только четыре бригады (около 60 тысяч военнослужащих). 1-я и 3-я бригады отправились в Шампань, а 2-я и 4-я — в Македонию на Салоникский фронт, созданный в конце 1915 года. «Фронт был очень слабый, но Россия и Франция были склонны к развитию операций на [нем]»³.

2-я Особая пехотная бригада под командованием генерала Михаила Константиновича Дитерихса прибыла в Салоники в сентябре 1916 года. За ней последовала 4-я под командованием генерала Михаила Николаевича Леонтьева. Она отплыла из Архангельска на пароходе «Мартизан» в середине сентября и в октябре была доставлена пароходом «Лютеция» в Салоники. В отличие от 2-й бригады, 4-я не сразу попала на фронт — ей предоставили время

*Генерал
М.Н. Леонтьев*

*Прибытие Русского
экспедиционного
корпуса в Марсель.
1916 год*

СЕМЕЙНЫЙ АРХИВ

*Войска Особой бригады
прибывают в Салоники. 1916 год*

*Привал частей,
направляющихся на передовую*

Салоникский фронт. Русские войска в походе

На привале в Салониках

*Наша войска на союзном
фронте в Салониках.*

Вырезка из газеты 1916 года

для проведения боевой подготовки. Почти целый месяц полки бригады тренировались на построенных специально для этого позициях, поскольку им предстояло действовать в сложных условиях горной местности⁴.

Кампания велась достаточно активно. Из письма П.Я. Зубова от 10 декабря 1916 года: «Наш полк был в резерве, верстах в трех от позиции, а сегодня вечером пойдем в окопы сменять товарищей. Что будет, одному Богу известно, суждено ли здесь остаться или буду снова среди вас, мои дорогие родные. Надо почистить винтовку, а то сегодня вечером придется хлопнуть затвором».

Обе бригады несли ощутимые потери. Из письма П.Я. Зубова от 2 февраля 1917 года: «24 января неприятель выключил меня на 1 месяц и 4 дня из строя. Был ранен, рука побаливает, врачи сказали, что еще болеть будет долго. Очень жаль, что нежелательная гостья с косою так часто заглядывает на нашу полянку. Противная персона очень часто вырывает товарищей на вечный покой. Вот пишу вам письмо, а она с визгом летает над головой. Небольшой кусочек свинца в момент может оборвать твою жизнь. <...> Жутко-прежутко! Гогочут пулеметы, это адские машины!»

Салоникский фронт

На позициях

Русские солдаты на набережной в Салониках

На Салоникском фронте

Из письма сестры П.Я. Зубова Евдокии от 15 февраля 1917 года: «Здравствуй, дорогой брат Петр, шлю тебе привет и пожелание всего лучшего. Мы получили вчера от тебя <...> письмо, в котором ты пишешь, что ты ранен. Дорогой Петя, Валю (Трещалину, будущую жену Петра Яковлевича, см. ниже. — *Т. Б.*) я не видала с ее именин и не знаю, знает она или нет, что ты ранен. Известие неприятное, еще тяжелое потому, что через неделю снова попадешь на позиции и снова будешь подставлять себя под вражеские пули, да теперь уж не будешь, а наверно подставлял и ранен сильнее прежнего, потому что времени прошло много, так как

ты писал на Рождество, а мы получили Великим постом. В это время могло случиться много разных приключений, да сохранит тебя Царица небесная, Заступница усердная от всех бед и несчастий. Аркадий (Зачесов, знакомый П.Я. Зубова из села Остров. — *Т. Б.*) пишет, что ты ранен бомбой и лежишь в госпитале. Все очень плакали».

К началу 1917 года во всех воюющих странах назревал политический кризис, обусловленный истощением материальных и людских ресурсов. Нарастали антивоенные и национально-освободительные движения, «гражданский мир» сменялся социальным брожением. Отголоски

Февральской революции в России докатывались до наших войск на Балканах с большим опозданием. Войсковые комитеты здесь были выбраны только в августе 1917 года, а «военно-революционные суды», учрежденные июльским приказом Керенского, — лишь в ноябре, уже после падения Временного правительства. И все чаще солдаты спрашивали: «Когда же домой?»

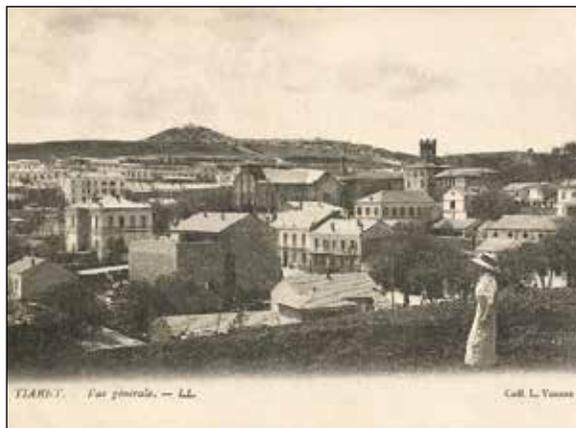
Из письма П.Я. Зубова от 21 апреля 1917 года: «Здравствуй, дорогая сестра Дуня! Уже полгода нахожусь на позиции в Македонии унылой, среди скал, камней и гор высоких. Всевышний хранит пока, а были моменты, когда смерть висела на носу, она и сейчас находится не дальше носа. Немцы начали бросать гранаты. Первая подкатилась ко мне под левый бок. Наверное, кто-то из вас молился за меня, и граната не разорвалась. Другая граната разорвалась, осколок зацепил меня за рукав, рука взвилась в воздух, подумал, что руку оторвало, винтовка упала, а от пули получил рану в плечо. Вырвало клоч шинели, еще чуть-чуть — не было бы кисти руки. С тех пор прошло четыре месяца. В наступлении принимала участие наша рота, снаряды рвались здесь и там, пули летели, как дождевой ливень. Страшно, когда бьет тяжелая артиллерия. Боже мой, с каким визгом мины и снаряды летят! А разрывы! Земля стонет и дрожит».

Союзники, видя слабость Временного правительства, перестали считаться с особым статусом русских частей и чем дальше, тем больше командовали ими по собственному усмотрению, используя их как таранную живую силу.

Из письма П.Я. Зубова от 16 августа 1917 года: «Нахожусь на позициях близ города Салоники. Сейчас ношу не сапоги, а башмаки и обмотки, штаны и гимнастерка русские, головной убор — английская пробковая шляпа, одним словом, вид «заграничного воина». Уже 2 часа ночи, все тихо, изредка трещат пулеметы. Мне нужно идти на центральную телефонную станцию. Шел по лощине, а потом вышел на открытое место. Немецкая образина со своей горы меня заметила, засвистели пули, если бы чуть правее, то отправился я бы на отдых к праотцам. Но колбасники промахнулись! Свалился, а потом вскочил и пустился бежать. Когда же конец войне? Неужели эта война бесконечна?»

После серьезных потерь в ходе апрельского наступления 1917 года на Западном

фронте бригады были отведены на отдых в военный лагерь Ла-Куртин, где люди, измотанные войной и рвущиеся на родину, взбунтовались. Французы этот бунт жестоко подавили. 23 октября (5 ноября) Межведомственный комитет Временного правительства по заграничному снабжению официально предоставил Франции право самостоятельно распоряжаться военными служащими Особых бригад. Таким образом, Россия бросила своих солдат на произвол судьбы. А через два дня Временное прави-

Открытка с видом города Тиагета в Алжире

тельство пало. 3 (16) ноября премьер-министр Франции Жорж Клемансо издал приказ, согласно которому всем русским легионерам предоставлялось право выбора между службой во французской армии, военными работами в тылу (типа строительных батальонов) и каторгой в Алжире. Многие наши солдаты из трех этих равно губительных вариантов предпочли последний и были отправлены в Северную Африку. «Картина испытаний, выпавших на их долю в Алжире, мрачна: перевозка тысяч людей в холодных товарных вагонах в зимнюю стужу до французского порта погрузки; пулеметчики, бравшие их на мушку с первых минут пребывания в Алжире — их, отнюдь не военнопленных вражеской армии, более того, вчерашних товарищей по оружию; бараки, обнесенные колючей проволокой; тяжелейшая работа в условиях непривычного климата; скверное питание, едва обеспечивавшее полуголодное существование; одинаковые нормы выработки для здоровых и инвалидов, молодых и старых служаков; весьма низкий уровень медицинской помощи, ужасная антисанитария; жестокие наказания за дисциплинарные нарушения — тюрьма, карцер, штрафной батальон»⁵.

Петр Zubov, не пожелавший воевать, тоже оказался в Северной Африке. Все происходившее там он позже вспоминал как тяжелый сон: «Группа русских солдат, в том числе я, некоторые в одном нижнем белье, все босиком и без фуража, окружены десятком арабов-солдат, вооруженных винтовками с примкнутыми штыками. Нас гонят из военной тюрьмы города Тиарето в Алжире в бараки за колючей проволокой».

Военный агент России во Франции и представитель русской армии при французской Главной квартире полковник А.А. Игнатъев, которому передали все полномочия по руководству русскими бригадами, писал: «Путем личных переговоров мне удалось добиться освобождения из крепости части приговоренных на каторгу солдат — зачинщиков куртинского восстания — и выхлопотать смягчение участи наших солдат, отправленных в Африку. <...> Они уже строили дороги под палящим зноем пустыни. Они страдали за то, что не хотели отказаться от охватившего их страстного желания вернуться на родину»⁶.

Наконец был заключен Брестский мир. «Мы уже знали из газет, что ровно 11 ноября 1918 года в 11 часов утра наступит торжественная минута: на всех фронтах прозвучит долгожданный сигнал “Отбой!” — сигнал, знаменующий конец испытаний и страданий четырех лет войны»⁷. П.Я. Zubov в своих записях отмечал: «Торжества, торжества и торжества по случаю подписания мира, музыка, цветы, танцы, флаги участников войны на всех заборах и зданиях. Французы ликуют, вереница автомобилей, украшенных цветами (руками русских солдат). Русские солдаты ходят по улицам города угрюмые, печальные, здесь их игнорируют, их мучит тоска по родине да притом они еще голодны. В честь “мира” нам дали по чашке вина, но забыли досыта накормить».

Французские власти начали репатриацию россиян, но при условии: те поступят на службу в белогвардейские Вооруженные силы юга России. Между тем большинство репатриантов Белому движению отнюдь не сочувствовали. Немудрено, что сформированные из них части Белой армии при первой же возможности перебежали на сторону красных.

Запись П.Я. Zubova от 1 февраля 1919 года: «[Средиземное] море спокойно. “Калифорния” (пароход, на котором в числе прочих репатриантов возвращался в Россию Петр Яковлевич. — *Т. Б.*) величаво

разрезает носом волны, бросая в стороны миллиарды блестящих брызг. Солдаты вылезли из трюмов и кучками расположились на палубе. Вдыхают теплый морской воздух, который обвевает их закопченные в трюме лица. <...> Условия перевозки российских солдат были ужасными: кровь, стоны раненых и каждый день умершие, которых выбрасывали за борт, а за парходом следовали хищные рыбы, они чуяли кровь и не отставали».

На фронте Петр получил серьезное ранение (повреждение позвоночника) и теперь терзался вопросом: как встретит его — по сути, инвалида — любимая Валентина? Тем более родители девушки не одобряли ее дружбы с Петром и желали дочери другого жениха — богатого. С нетерпением ожидал Петр появления на горизонте родного берега: дай Бог, доберутся они с земляком и сослуживцем Семеном Гусевым до Мисайлово, а там... Милая Валентина постоянно снилась ему.

Дневниковая запись (1933): «В октябре 1919 года в Севастополе охамевшее белое офицерство вздумало расправиться с нами — солдатами, вернувшимися из французского плена — за тот большевистский бунт, который царил в наших рядах. Нам приказано было грузиться на пароходы для отправки в Новороссийск. Мы отказались, требуя отправки нас домой. <...> В результате — расстрел. Погнали под усиленным конвоем грузиться на пароход. Несколько сот человек погрузили на пассажирский пароход “Александр III” и на буксире вывезли нас за Севастополь на рейд. Рядом с нами стоял английский крейсер и крейсер “Адмирал Корнилов”. С английского крейсера дула орудий были направлены в сторону нашего парохода, а также был на палубе выставлен пулемет и построено кольцо из матросов. Через некоторое время офицер в красном плаще с матерным ругательством приказал нам всем построиться. Поднявшись на капитанский мостик, один из офицеров высказал перед нами речь, полную ни на чем не основанных обвинений. Вслед за капитаном выступил престарелый генерал, держа в руках карманные часы. Он заявил, что мы не выполнили распоряжение генеральского приказа и должны выдать “зачинщика” (которого не было). Срок для этого дается 10 минут. Если зачинщик не будет выдан, то (генерал указал на английский крейсер) вы будете расстреляны вместе с пароходом

СЕМЕЙНЫЙ АРХИВ

и <...> пойдете ко дну. Однажды на фронте во время наступления, сидя с телефоном, я наблюдал, как люди, выйдя из окопов для наступления, теряли лицо. Так и в этот момент вся масса, построенная в ряды, потеряла свои лица, все заживо превратилось в мертвецов. Это ужасное оцепенение длилось несколько секунд, а затем началось предательство. Более трусливые, дабы спасти себя, стали клеветать на своих товарищей. “Зачинщиком” оказался и я. Выдал меня писарь 7-й роты, который лично меня не знал и которого я не знал. Флотский офицер с другой стороны парохода крикнул: “Зубова сделать?” У меня дрогнули поджилки. Меня потащили за ноги, я услышал, как кто-то возразил писарю, что “зачинщиком был человек с черными волосами и росту повыше, а этот рыжий. Рыжий не виноват”». Расстреля удалось избежать лишь чудом.

По словам внучки упомянутого выше Семена Гусева Ларисы, «после прибытия в зону Деникина пути ее деда и Зубова разошлись. В первом же бою Петр сбежал из отряда, в Харькове, пришел в дом по адресу, который ему дал друг Семен. Его через черный ход провели на кухню, накормили и тут же

Валентина Трещалина

В центре — Валентина Васильевна, справа от нее — Петр Яковлевич, слева — Евдокия, сестра Петра Яковлевича, за ней стоит Евгений Зубов